

«Мысли мои о крае сем...»: (С. М. Кочубей і його записки про Малоросію)

Богдан Галь, Ганна Швидько

Схід-Захід: Історико-культурологічний збірник.

Випуск 6. – Харків; Київ: Критика, 2004. – С. 101-128.

При використанні матеріалів статті обов'язковим є посилання на її автора з повним бібліографічним описом видання, у якому опубліковано статтю. Дана електронна копія статті може бути скопійована, роздрукована і передана будь-якій особі без обмежень права користування за обов'язкової наявності першої (даної) сторінки з повним бібліографічним описом статті. При повторному розміщенні статті у мережі Інтернет обов'язковим є посилання на сайт Східного інституту українознавства імені Ковальських.

Адреса редакції:

Східний інститут українознавства імені Ковальських («Схід/Захід»), ауд. 4–87,
Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна,
пл. Свободи, 6,
Харків, 61077,
Україна.

E-mail: siu.kharkiv@gmail.com

Тел.: +38 057 705 26 30;
+38 096 1555 136

Веб-сайт: <http://keui.univer.kharkov.ua>

© Східний інститут українознавства імені Ковальських

© Автор статті

© Оригінал-макет та художнє оформлення – зазначене у бібліографічному описі видавництва

© Ідея та створення електронного архіву часопису – А. М. Домановський

«...МЫСЛИ МОИ О КРАЕ СЕМ...»
(С.М.Кочубей і його записки про Малоросію)

Доба, на яку припадає заключна фаза адміністративної інтеграції земель колишньої Гетьманщини до російського імперського організму — остання чверть XVIII — перша третина XIX ст. — досліджена вкрай мало. Це пов'язано з пануючим до нашого часу негативістським сприйняттям процесів, що відбувалися в українському суспільстві, якот: ліквідація інституту гетьманства, поширення на Лівобережну Україну дії губернського статуту, набуття козацькою старшиною прав російського дворянства. Ці процеси розглядалися як відмова вкотре зденаціоналізованої еліти від реалізації задекларованого поколінням Б.Хмельницького проекту розбудови ранньомодерної «військової нації». Шукачі тяглості української політичної історії визначили вказаний час як «пропащий» (М. Драгоманов) або як добу «упадку козащини і українського життя» (М. Грушевський), не бажаючи помічати конструктивного процесу, що йшов паралельно у західних регіонах імперії та мав загальноєвропейський характер. Мова йде, якщо скористатись термінологією Е.Сміта, про адміністративну революцію, яка через бюрократичну інкорпорацію середніх (та нижчих) верств і регіонів до домінантної культури, розподіл гілок влади і створення уніфікованого апарату управління мала привести до формування сучасних «масових націй»¹.

Процес адміністративної уніфікації земель Лівобережної України розпочався лише через 15 років після ліквідації інституту гетьманства й тривав упродовж життя двох поколінь (1779-1835), що пояснювалося відсутністю прийнятних загальноімперських зразків, як про це писала Катерина II у «Наставленні губернаторам» (1764), нестачею коштів на одночасну перебудову усього місцевого управлінського апарату, як це розумів О.А. Безбородько (1779), фінансовою кризою середини 1790-х рр., коли державний борг склав колосальну суму — 215 млн. крб., а щорічні виплати відсотків — більше 4 млн. крб.² Не прокоментована на відповідному рівні повільність перетворень викликала в середовищі українського панства і чиновництва неоднозначну реакцію, залишаючи в одних ілюзію можливого повернення до управлінських зразків козацьких, а то й литовсько-

польських часів («реставратори») і підштовхуючи інших до вимог модернізувати адміністрацію за рахунок прискорення інтеграційних процесів («модерністи»)³. До останніх, поруч з авторами «Секретнейших примечаний нынешнего состояния Малороссии» (Г.М. Теплов (?)), «Заметаний, до Малой России принадлежащих» (О.Ф. Шафонський (?)), «Записки о министерствах» (Д.П. Трошинський), «Примечаний о Малороссии» (П.А. Чуйкевич (?)), належить постать Семена Михайловича Кочубея (1777(8)-1835), відомого громадського діяча, крупного землевласника і мецената.

Пробудженням у вітчизняній історіографії інтересу до постаті полтавського губернського маршала С.М. Кочубея завдячуємо київському історичу М.В. Стороженку, який на основі матеріалів, віднайдених у Яготинському архіві кн. М.Г. Репніна, опублікував у 1894-1895 рр. на сторінках «Киевской старины» короткий життєпис С.М. Кочубея і листування «между ним, князем Н.Г. Репниным и М.В. Могилянским, выясняющее его материальное положение и представляющее собою в высшей степени драматическую страницу из истории дворянского оскудения»⁴. Того ж 1895 р. петербургський археограф М. Дубровін видав «Правила для свободного состояния помещичьих крестьян» С.М. Кочубея з зауваженнями на них сенатора М.М. Новосильцева⁵.

З того часу і до наших днів дослідники згадували про С.М. Кочубея лише побіжно як про видавця «Енеїди», масона⁶ чи автора проекту звільнення селян від кріпосницької залежності⁷, характеризували його як людину, не переобтяжену освіченістю, проте добру, щедру, привітну⁸, а появу записок «О Малороссии» пояснювали «нравственным состоянием под влиянием тяжелого материального положения», які й зробили його нібито на схилі років мізантропом та українофобом⁹. Аналіз світогляду неможливий без з'ясування зв'язку між його структурою та історичними структурами суспільного життя, але, сперте на спрощену модель причинно-наслідкової залежності мікрогенетичне дослідження, проведене М.В.Стороженком, яке виводило ідеї з соціологічно інтерпретованих фактів біографії їх носія, схоже, завело першого біографа С.М. Кочубея на «манівці вульгарного соціопсихологізму»¹⁰.

Трагічні обставини загибелі прапрадіда Семена Михайловича — В.Л. Кочубея — сприяли створенню уявлення про багату і впливову родину Кочубеїв як про надійну опору трону. Серед пращурів С.М. Кочубея по батьківській лінії — прадід Василь Васильович —

полтавський полковник, дід Семен Васильович — член Другої Малоросійської колегії й останній генеральний обозний. По лінії матері С.М. Кочубей доводився онуком С.І. Лашкевичу, першому голові Новгород-Сіверського верхнього земського суду, автору відомого «Щоденника», а внучатим племінником — І.В. Журману, останньому генеральному судді доби Гетьманщини і першому правителю Новгород-Сіверського намісництва.

Семен Михайлович народився, ймовірно, у с. Треби Полтавського повіту Новоросійської губернії напередодні катерининської адміністративної реформи¹¹ і в дитячі роки був оточений її активними діями. На схилі життя він напише про себе та своїх сучасників як про покоління, «родившеся в царствование Екатерины Великой, уравнившей Малороссию с Великороссией», коли «все и в сем краю обратились к познанию законов общего отечества своего».

Про дитячі та юнацькі роки С.М. Кочубея відомостей не залишилося. Знаємо лише, що десь у 1790-х рр. він навчався у столиці і, записаний ще у місячному віці каптенармусом до Преображенського полку, пішов зі служби в чині вахмістра Кінної гвардії (1798)¹². За відомостями С. Єфремова, того ж 1798 р. С.М. Кочубей профінансував видання «Енеїди» І.П. Котляревського¹³.

Роки з 1799 по 1805 позначені службою за дворянським вибором: спочатку конотопським (1798(9)-1801(2)), потім полтавським повітовим маршалом (червень 1802 — вересень 1805) і, нарешті, у зв'язку з достроковою відставкою В.І. Чарниша, — неповне трьохліття полтавським губернським маршалом дворянства (вересень 1803 — листопад 1805)¹⁴. Здається, саме в цей час, попри зближення з кланом О.А. Безбородька через шлюб з його племінницею — дочкою малоросійського цивільного губернатора — П.Я. Бакуринською (1784-1815), С.М. Кочубей дійшов переконання, що «одно ошибочное соображение в царствование Императора Павла I^ш решило уничтожить губернии в Малороссии и дать оной вновь статут, сей закон неизвестного для одного края народа, бывшего его ужаснейшего притеснителя». На відміну від М.В. Стороженка, не бачимо приводу не вірити й тій заяві С.М. Кочубея, котра свідчить, що вже у 1804 р. той обстоював необхідність тіснішого зближення адміністративно-судової системи імперії та двох малоросійських губерній¹⁵.

Перші зразки проектів реформ, створених С.М. Кочубеєм, маємо у 1817 р., коли одночасно згадуються його «Правила для управления именьями» і «Правила для свободного состояния помещичьих крес-

тьян», присвячені питанню відновлення особистої свободи кріпака й перетворення його на незалежного власника поземельних статків¹⁶. У зв'язок з появою цих творів, написаних чи то з власної ініціативи, чи то за дорученням, що його передав М.Г. Репнін, когось із оточення Олександра І, можливо, сенатора М.М. Новосильцева, ставлять відвідини імператором Полтави 14 вересня 1817 р. і гостювання в будинку саме С.М. Кочубея¹⁷. У квітні 1818 — березні 1819 рр. С.М. Кочубей входив до полтавської масонської ложі «Любов до істини», закритої згодом відповідно до розпорядження про заборону масонських лож на теренах усієї імперії.

Схоже, наведені вище факти спростовують справедливість твердження М.В. Стороженка про відхід С.М. Кочубея у 1816 р. від будь-якої громадської діяльності¹⁸. Хоча, дійсно, пік громадської активності залишився для С.М. Кочубея в минулому, коли вони з дружиною збирали кошти на богоугодні заклади і дворянські училища, жертвували заводи, гаї, будинки, на власний кошт утримували пансіони для бідних дворян та дворянок, бралися за будівництво громадських споруд, спорядження ратників.

Смерть коханої дружини у 1815 р., недопуге господарювання, яке загнало одного з найбагатших земле- і душевласників Полтавщини в боргову яму, арешт у 1826 р. за звинуваченням у причетності до таємного Малоросійського товариства, — не могли не вплинути на стосунки вчорашнього благодійника з найближчим оточенням. Починаючи десь з 1823 р., він припиняє виплати відсотків по кредитах, продає більшість маєтків, а ті, що залишилися, заставляє й перезаставляє, нещадно експлуатуючи працю селян. На 1831 р., за даними одного з кредиторів — М.В. Могилянського, з семи тисяч душ обох статей «именія с наипрекраснейшими угодиями и с преизобильным количеством земли», що дісталися С.М. Кочубею в спадок від батька й тітки Н.С. Потьомкіної (у дівочтві Кочубей), залишилися лише села Жуки та Демидівка Полтавського повіту (трохи більше тисячі душ) і село Рудяков Переяславського повіту (близько 370 душ), а загальний борг досяг колосальної суми — 455 тис. крб. без відсотків¹⁹. Утім, спираючись на родинні зв'язки з головою Державної Ради та Комітету міністрів В.П. Кочубеєм і близькість до малоросійського військового губернатора М.Г. Репніна, С.М. Кочубей продовжував і далі користуватись прибутками з закладених маєтків, «нимало не заботясь более ни о долгах своих, ни о платеже процентов», більше того, маючи постійну потребу в грошах, вдавався до протиправних фінансо-

вих махінацій, або ж, як їх звать кредитори, «неприличных средств». На думку того ж М.В. Могилянського, йшлося про «изменение правил человека с хорошими иногда качествами ума и сердца», що призвело, врешті-решт, до втрати доброго імені й поваги²⁰. Помер С.М. Кочубей 29 квітня 1835 р.²¹, залишивши по собі неоплатні борги, душевнохворого сина, на якому перервалася ця гілка родини Кочубеїв, пам'ять про благодійницьку діяльність у молоді роки і ряд проєктів далекосяжних реформ.

Про єдину записку С.М. Кочубея, яка зберігається нині у фонді 261 ЦДА у м. Києві, можемо говорити лише умовно. Скоріше, це три окремі твори одного автора, пов'язані тематично: «О Малороссии» від 2 лютого 1832 р. та додані до нього дві записки з однаковою назвою «Еще о Малороссии» від 11 та 18 лютого 1832 р.

Приводом до створення меморандуму послужила розпочата у 1831 р. уніфікація адміністративного апарату Чернігівської та Полтавської малоросійських губерній за загальноімперським зразком. При цьому автор вказує на необхідність подібних заходів і у галузі судочинства: «...весьма полезно и справедливо, чтобы Малороссия была во всем сравнена с Великороссиею, чему хотя и есть приступы, наименованием по учреждению о губерниях округов и чиновников, но Статут и многое еще напрасно остается при Малороссии». Поспішність складання документу пояснюється в листі від 12 лютого 1832 р. до адресата записки, малоросійського військового губернатора М.Г. Рєпніна: «...исполняя волю Вашу, долгом почитаю сообщить ныне всякие мысли мои о крае сем теперь, когда изволите уезжать...».

Перша частина записки подає короткі історичні відомості про жителів Лівобережної України. На відміну від попередників, які якщо й виводили українців з «козар» (Г. Грабянка та С. Дівович) чи «скіфів» (П. Симоновський), але не ставили під сумнів їх приналежність до слов'янської родини, С.М. Кочубей пов'язує проникнення предків українців-малоросів на землі колишньої Київської Русі з часами по татарській навалі, а самих мало- і великоросів вважає «народами единовременными, или по крайней мере славянонарожденного происхождения». Для М.В. Стороженка історичні відомості С.М. Кочубея «весьма ограничены и притом большею частью превратны»²². Але не забуваймо про їх оригінальність, та й тогочасний розвиток історичної науки, за якого лише через 20 років після складання записки С.М. Кочубея професор Московського університету М.П. Погодін виступив зі своєю теорією великоросійської колонізації Подніпров'я (лист до І.І. Срез-

невського за 1851 р.), заявляючи, що «киевские великороссияне» втекли на північ по татарським погромам, а їх місце зайняли українці «від Карпатських гір», прийшовши «після татар».

Докладно зупиняється С.М. Кочубей на описі еволюції судово-адміністративного устрою Лівобережжя, на завершення якого наводить роздуми з приводу помилкового, за його словами, заведення статutowого судочинства. С.М. Кочубей називає законодавство одним з основних факторів, що зближують народи, а, отже, головною причиною необхідності відмови від Статуту вважає політичну. Водночас, на думку С.М. Кочубея, українці нарівні з іншими жителями імперії могли б мати особливі закони (привілеї) або, як їх називає автор, «естественные национальности», відповідні місцевим умовам «по климату и почве земли произведением, торговым способам, естественным расположениям и способностям народа и проч».

У другій частині записки — «Еще о Малороссии» — автор пише про причини української застигlosti на «китайской неподвижной точке непросвещения и первобытности», «лености», зокрема такі, як «азійська» прив'язаність до традицій, відсутність місцевої поліції, нестача капіталів, шкідливий вплив духівництва; С.М. Кочубей бачить силу, здатну їх подолати, лише в урядових агентах. Автор записки пропонує якнайширшу програму перетворень, зокрема знищення хуторів, розбудову міст, містечок і сіл; заведення сільських шкіл, ремісничих майстерень, комерційних училищ; стимулювання капіталовкладень у місцеві торгівлю й промисловість через виселення частини євреїв, податкові пільги, відкриття зручного водного торговельного шляху.

У третій частині записки, також під назвою «Еще о Малороссии», автор висловлюється за дві «необхідності»: остаточне злиття з Великоросією та стимулювання розвитку торгівлі й промисловості, деталізуючи окремі положення попередніх записок. Звертають на себе увагу пропозиції С.М. Кочубея в галузі організації адміністрації і судівництва, як-от: об'єднання двох малоросійських губерній з Слободсько-Українською в одному генерал-губернаторстві з центром у Полтаві²³ чи ліквідація традиційних для статutowих судів посад підкоморників, коморників, хорунжих і возних. Причини поступовості перетворень С.М. Кочубей вбачає в «малоросійських козаках», а, отже, пропонує відмовитися, за зразком Польщі, від самої цієї назви, замінивши відповідний термін на «українець», а назву «Малоросія» залишити лише для означення цілого регіону на кшталт Білорусії, Новоросії й т.ін.

Невідомо, чи встиг М.Г.Репнін, якого невдовзі відправили зі скандалом у відставку, донести пропозиції С.М.Кочубея до вищих імперських урядовців, але частина з цих пропозицій була переведена в життя вже в найближчі роки (1832-1840). Характерно, що при цьому сам їх автор не вважав свої погляди типовими й остерігався «статутowego вьволачивания» в разі викриття.

Як би там не було, сам факт створення представником старого українського панства подібного проекту реформ засвідчує цілковитий успіх обраного урядом шляху уніфікації гетьманських органів правління та поступової інтеграції української політичної еліти до імперських владних структур.

Документи друкуються вперше за рукописом, що зберігається у фонді 261 Центрального державного історичного архіву в м. Києві. При публікації збережено деякі лексичні й стилістичні особливості оригінальних текстів. Зміни, за наполяганням редколегії, торкнулися переважно пунктуації та вживання прописних букв відповідно до сучасної російської граматики. У квадратних дужках — пропущені, судячи зі змісту, букви чи слова, а також фрагменти скорочених слів. Авторські примітки, позначені зірочками, винесено з окремих сторінок в кінець його тексту. В кінці публікації наведено короткий історичний коментар до тексту, підготовлений нами.

ЛІТЕРАТУРА

¹ Сміт Е.Д. 1994. Національна ідентичність. К.: Основи. — С. 69.

² Наставление губернаторам. // Полное собрание законов Российской империи. — Спб. Т. 16. 1830. — С. 716-717; Письма А.А.Безбородька к графу Петру Александровичу Румянцову. // Старина и Новизна. 1900. Кн. 3. — С. 190; Троицкий, С.М. Финансовая политика русского абсолютизма во второй половине XVII и XVIII вв. // Абсолютизм в России (XVII-XVIII вв.). Сборник статей к семидесятилетию со дня рождения и сорокалетию научной и педагогической деятельности Б.Б. Кафенгауза. М.: Наука. 1964. — С. 316-317.

³ Сокольская И.Б. Консервативна ли консервативная революция? О хронологической шкале политических теорий // Политические исследования. 1999. № 6. — С. 119-128.

⁴ Н.С. Полтавский губернский маршал С.М.Кочубей // Киевская старина. 1894. Январь. — С. 135-141; Материалы для истории дворянского землевладения в Полтавской губернии. (Из яготинского архива князя Н.В. Репнина). Сообщ. Н.С. // Киевская старина. 1895. Март. С. 405.

⁵ Дубровин Н. (ред.). Сборник исторических материалов, извлеченных из Архива собственной его императорского величества канцелярии. Спб., 1895. Вып. 7.

⁶ Павловский И.Ф. Массонская ложа в Полтаве // Труды Полтавской ученой архивной комиссии. 1909. Вып. 6. Ч. 1. — С. 4; Ефремов С. Массонство на Україні // Наше минуле. 1918. Число 3. — С. 3-16; Крижановська О.О. Тасмні організації в громадсько-політичному житті України (масонський рух у XVIII – на початку XX ст.): Навч. посібник. К.: Аквион-Прес, 1998. — 134 с.

⁷ Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.-Л., 1957. — С. 346; Сахаров А.Н. Александр I: (К истории жизни и смерти). — Российские самодержцы. М., 1994. — С. 69; Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. — С. 79.

⁸ Павловский И.Ф. Массонская ложа в Полтаве // Труды Полтавской ученой архивной комиссии. 1909. Вып. 6. Ч. 1. — С. 4.

⁹ Н.С. Полтавский губернский маршал С.М. Кочубей // Киевская старина. 1894. Январь. — С. 138.

¹⁰ Валицкий А. В полоні консервативної утопії: Структура і видозміни російського слов'янофільства. К.: Основи, 1998. — С. 9.

¹¹ Запропонована М.В. Стороженком дата народження – 1778 рік – видається сумнівною, оскільки на початку 1826 р. (десь у лютому) С.М. Кочубей писав у листі до малоросійського військового губернатора про «правила свого сорокадев'ятирічного життя». На ймовірність іншої дати – 1777 року – вказує ще й той факт, що батьки С.М. Кочубея одружились у вересні 1775 р.

¹² Матеріали для історії дворянського землевладення в Полтавській губернії. (Из яготинського архіва князя Н.В.Репніна). Сообщ. Н.С. // Киевская старина. 1895. Март. — С. 412; Модзалевский В.Л. Малороссийский Родословник. В 4-х томах. Киев, 1910. Том 2. — С. 539; Николайчик Ф. Род Лашкевичей и дневник одного из них // Киевская старина. 1887. Декабрь. — С. 714.

¹³ Ефремов С. Массонство на Україні // Наше минуле. 1918. Число 3. — С. 3-16.

¹⁴ Модзалевский, В.Л. Малороссийский Родословник. В 4-х томах. Киев, 1910. Том 2. — С. 539; Бодянский, П. (ред.). Перечень Полтавских губернских предводителей дворянства с открытия губернии // Полтавские губернские ведомости, 1845. № 12, прибавление. — С. 125.

¹⁵ Н.С. Полтавский губернский маршал С.М. Кочубей // Киевская старина. 1894. Январь, 1894. — С. 141.

¹⁶ Дубровин, Н. (ред.). Сборник исторических материалов, извлеченных из Архива собственной его императорского величества канцелярии. Спб., 1895. Вып. 7; Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.-Л., 1957. — С. 346.

¹⁷ Бучневич, В.А. Записки о Полтаве и ее памятниках. Полтава, 1902. — С.30.

¹⁸ Н.С. Полтавский губернский маршал С.М. Кочубей // Киевская старина. 1894. Январь, 1894. — С. 136.

¹⁹ Материалы для истории дворянского землевладения в Полтавской губернии. (Из яготинского архива князя Н.В.Репнина). Сообщ. Н.С. // Киевская старина. 1895. Март. — С. 407.

²⁰ Материалы для истории дворянского землевладения в Полтавской губернии. (Из яготинского архива князя Н.В.Репнина). Сообщ. Н.С. // Киевская старина. 1895. Март. — С. 410.

²¹ М.В. Стороженко не вказав джерела відомостей про місце смерті С.М. Кочубеє — с. Білики Миргородського повіту і ймовірне місце поховання — с. Жуки. Наші сумніви пов'язані з тим, що, по-перше, на 1832 р. маєстностей на Миргородщині С.М. Кочубей не мав, так само як і коштів на їх придбання, в той час як Жуки — це його старе полтавське володіння; по-друге, М.В. Могилянський згадує, що в кінці 1820-х рр. С.М. Кочубей на підставну особу придбав якийсь маєток біля Полтави. Отже, більш вірогідно, що це було с. Білики Полтавського повіту, в якому С.М. Кочубей і помер, а поховано його було у родинному маєтку — с. Жуках — розташованому всього за декілька верст від останнього.

²² Н.С. Полтавский губернский маршал С.М. Кочубей // Киевская старина. 1894. Январь, 1894. — С. 140.

²³ Об'єднати управління Лівобережжям і Слобожанщиною пропонував ще гетьман І. Самойлович у 1680-1681 рр.: «Відмежовувати їх немає потреби; і Слобідська Україна, і малоросійські міста — під державою великого государя...» [Смолій 1997]. На початку 1780-х рр. гр. П.О. Румянцев поєднував посади харківського намісника і малоросійського генерал-губернатора.

ДОДАТКИ

І. [Записка С.М. Кочубея «О Малороссии» від 9 лютого 1832 р.] О Малороссии

февраля 9.1832.

Чтобы решить, какое устройство для Малороссии, в настоящем ее быту, может почестся лучшим, должно постановить, прежде всего в основание историческое извлечение, философического, быстрого объема.

Малороссия, или коренные первоначальные жители ее, занимать могли землю по обеим сторонам Днепра: по левой стороне оно, начиная от Переяслава, мимо Полтавы (примерно по существующему и ныне еще земляному валу или границе) и потом поворотив к вершине реки Орели, к Самаре и до Азовского моря; а по правому берегу оно, Днепра, тоже начиная, примерно, с противного берега

Переяславлю и прямою линиею до устья сей реки, Днепра, протекавшего почти посреде сей земли малороссийской, отчего, весьма правильно назывались впоследствии начальники их, гетманы, владетелями обеих оного берегов.

Первоначальные жители сей страны, вероятно, отрасли скифской, занимали земли сии и были первородного свойства своего, мирного, но храброго, существовали, как и все подобные народы, и как и ныне в степях существуют, в пастушеском быту. Но сие // первородство скифское, как и во всех составившихся устроенными землях, смешалось с разными другими племенами и начально с славянским, что можно заключить и из самого наречия, и наиболее из обычаев первой надобности (ужин — вечера, ужинать — вечерять и проч.), имеющих слова языка сего. За сим смешением присоединились татары, турки, молдаване, волохи, вошедшие в состав народной малороссийской массы; и наконец поляки составили отдельную часть сих жителей, панов, от чего породилось дворянство, и вместе с тем — подданные их; для довершения же всего сего вошли в край сей евреи: все сие до присоединения всего сего народа к России.

До властвования татар над Россиею, земля малороссийская заключалась, кажется, в вышесказанных границах, и упомянутый вал означал оную по левой стороне Днепра, коим Великие князья ограждать себя мнили от сего соседственного народа, хотя и одноплеменного и единоверного, но отделившегося от княжений большею еще своею первоначальною свободою пастушескою жизнью. Когда же Россия тяготилась под игом варваров, своих покорителей, татар, тогда малороссийский народ перешел границы свои, подкрепленный соседями и союзниками своими, татарами, сообщившими ему воинский // завоевательный дух свой и, можно полагать, что с того времени только заняли они все то по обеим берегам Днепра пространство, заселенное деревнями и городами, которое потом составило Малороссию, известную под начальством гетманов своих. С сим распространением границ и с умножением не бродящих, а оседлых жителей, произошло и разделение звания оных: военная часть их осталась козаками, а другая часть обывателей — обывателями постоянными сел и городов, коих в первобытном пастушеском быту и границах не было: были курени, т.е. шалаши, из коих курился дым. В сие время разделилось войско на сотни и на полки, разместилось в заселенной части обширной земли своей по местечкам и городам им укрепленным валами, причислило постоянных жителей к округам военным, сим и основало таким образом военное правление.

Из сего явственно, что в Малороссии не все происхождение козацкого, военно-пастушеского, как это и ныне многих видим народов в Азии; но смешением брачным и военными потребностями, умножившимися по мере распространения границ, и умножением чрез то надобности в защите оных, умножилось число козаков и войско оного, нередко, к крайности, // составляющееся и всеобщим вооружением. Однако же право козака всегда дорожилось и обыкновенно оного себе никто, без особенных случаев военных и законных властей их гетманских постановлений, присваивать не мог. Козаков сих можно сравнить с коренными римлянами, имевшими одни право защищать свое отечество и позволявших пользоваться сею честью народной части своей, почитавшейся ими покоренною и низшею, в одних крайних случаях — для спасения Рима. Вероятно, что первоначальные козаки малороссийские как то и черноморцы (кои, конечно, есть начало военному духу их) были, подобно римлянам, безженными, что в поселенном крае нашли они своих сабинянок, и что до того составлялись они, как то и выше сказано, из разных племен народных бродяг и что ежели и были из них семейные отделения, то они заключались не в военной части кочующих пастырей, а в тех, кои были привязаны постоянно к своим куреням и сохраняли около оных стада.

С сего времени, когда была Малороссия в сих известных границах своих, нашли они тут же, т.е. в заселенной части земли и панов с их подданными; сделались настоящими христианами, узнав церкви, коих у них в первобытном их отечестве не было // и, как духовенство было из панского тогда класса жителей, то и священников нашли называемыми панотцами (пан-оче). Из сего видно, что в Малороссии было тогда же четыре класса жителей: военные, в числе коих, начиная от гетмана до самого последнего из них, все козаки; паны; духовенство и подданные всех сих первых трех классов жителей. Водворившиеся евреи не составляли и в Малороссии постоянною особенного класса, равно как и нигде, быв они везде и отовсюду гонимы за обряды их, ими невежественно понимаемые, отделяющие их от прочих жителей самым резким образом, не позволяющие им смешиваться с ними даже и в самих необходимейших для жизни надобностях, пище и проч. Евреи занимались ремеслами, промышленностью, арендами, взяв, наконец, в откуп самые церкви, и более всего обогащением себя, как то и везде. Все сии жители, кроме военной власти, имели гражданскими законами польский Статут. Гетман, полковник, сотник и так далее вниз, каждый из них наказывал подчи-

ненных своих клями, первоначальным пастушеским своим орудием, а уголовные и процессные поземельные и прочие дела решали по Статуту, закону польскому, закону народа, самого враждебного для малороссиян и сими последними, как их притеснителя, ненавидимого.

В сем положении Малороссия присоединилась к России, т.е. левая часть по Днепру, а правого берега полки остались при Польше. В России оставлен весь состав гражданского и военного быта на земли сей, а в Польше и самое в оной имя малороссиянина и козака стерты. Не смотря на все сии несправедливости врагов Малороссии, поляков, сокращенно ими ляхами называемых, сей простой и невежественный народ, по-азиатски ко всему своему прежнему привязанный, всегда старался удерживать не только прежние свои военные, но и гражданские введения, и потому всегда дорожил ими.

Сия черта простого, дикого патриотизма, противного истинной пользе земли и народа, всегда удерживала малороссиян, так сказать, на китайской неподвижной точке непросвещения и первобытности, как, наконец, в мудрое правление Великой Екатерины была и Малороссия, с прочими провинциями России, устроена по единообразному законоположению о губерниях. Сие уравнивало край сей во всех законах и выгодах с Великороссиею, т.е. доставило Малороссии все то управление, коего // всегда искали и ищут просвещенные народы с их могущественнейшею отечества частью, не быв заблуждаемы ложными понятиями о национальности, столь по вере и по философии противными, благо человек и по поучению первой и по естественным наукам второй, от одного источника и одинакого сотворения. Все человечество, по сему учению веры и человеческого уместования, составляет один образ, одного, так сказать, человека, разделяющегося на общества, и если что его может и по вере и по природе привязывать местно, то это в первом случае самая вера и присяга местная; а во втором естественные привязанности к месту рождения, к родителям — к отечеству. Малороссияне всегда показывали, не смотря на свое худое понятие о национализме своем, непоколебимость в вере и присяге: поляки не могли их изменить в первой, а изменили в последней: они всегда оставались верными к законному Государю своему, императору Всероссийскому, коему они чистосердечно отдались в его благодетельное подданство. Конечно, одно ошибочное соображение в царствование императора Павла I^м решило уничтожить губернии в Малороссии, назвать их опять Малороссиею и дать оной вновь Статут, сей закон неизвестного для оного края народа,

бывшего его ужаснейшего притеснителя. Ошибка сия весьма чувствительна, ибо она возобновила черту между народами единоверными, или по крайней мере славяно-наречного происхождения, черту — коею враги покоя и обширного отечества всегда могли и могут воспользоваться при несчастных случаях для обеспокоения голов слабых, столь и среди просвещеннейших народов и даже столиц многочисленнейших, и которая черта как бы для сего оно и существовать была определена. Оною некоторые подобные неблагомыслящие головы искали и в 1812 г. воспользоваться, но были народною и общею массою малороссиян верною остановлены. Но всегда ли и при всей верности сего народа, может быть сей доброй стороны успех?

В прошедшее царствование Александра I^м Малороссия разделена на две губернии, но оставлен при ней ее гражданский закон.

Теперь же, когда толикия события показали и верность сего народа, и пагубное заблуждение тех, кои, без сей верности, не составляя гражданского единства целого отечества, были вовлечены в гибельные для них предприятия, и когда просвещеннейшие из // них ищут сравнения со всею своею отечественною землею, — весьма полезно и справедливо, чтобы Малороссия была во всем сравнена с Великороссиею, чему хотя и есть приступы, наименованием по учреждению о губерниях округов и чиновников¹, но Статут и многое еще напрасно остается при Малороссии.

Обращаясь к военному положению Малороссии, она уже совсем показывается изменившеюся: козаки остались только по одному именованию своему, точно так, как и римляне нынешние, кои с главою своею, с его Советом, конклавом и его карикатурою гвардейскою, столь противоположны римскому кесарю, его Сенату и непобедимому его воинству. Прежний козак с 10-ти лет, подобно донским, гасал верхом на конях козацких табунов и напивался военным элементом с самого своего младенчества; а ныне он, покуда не поймают его в рекруты, ходит с пугою за плугом, за солью или рыбою и боится сесть на шкапу, делающуюся редкою и мало кому известною. Для сего, при Екатерине, попытавались устраивать разные легкоконные в Малороссии полки, но и те не имели успеха и, конечно, не без причины. Если же оные полки не могли существовать и тогда, когда, например, в Полтав//ском полковник Шереметев употреблял собственные значительные суммы денег на свой полк, чему и другие его товарищи подражали, то возможно ли, чтобы козаки могли образовать хорошие полки сами собою и теперь, когда сие образование военное везде доведено до такого совершенствования?

Малороссияне действительно имеют наследственную способность к верховой езде, которую они временем могут потерять чрез приметное уменьшение у них лошадей даже ниже посредственных. Если же когда они могли бы принести отечественному вообще войску пользу, то это конечно при устройении из малороссиян и в Малороссии из козаков легкоконных полков, отнюдь не называя их козаками и не делая их козацкими, а уланами, гусарами, артиллериею конною и проч. Из прочих же жителей, помещичьих крестьян и проч. составлялись бы резервы для комплектования тяжелой кавалерии в империи. Сии легкоконные полки могли бы, с большою для казны пользою, содержаться в Малороссии и составлять на казенных или покупаемых лошадях отличнейшие два или более кавалерийские легкоконные корпуса.

Все сие гражданское и военное смешало бы два народа, малороссиян с великороссиянами // и последняя черта, их разделяющая, изменилась бы к неимоверной пользе трона, царства, отечества и обеих народов, столь к сближению своему братскому встречающих препон в различных законоположениях, обрядах и проч. Малороссия, как и всякая провинция обширнейшей в свете империи, может справедливо получать естественные национальности по особенным для того законам, соответственным местным по климату и почве земли произведениям, торговым способам, естественным расположениям и способностям народа и проч. Вот истинные национальности, в коих правительство и не отказывает провинциям империи, из коих каждая таковыми пользуется, и Малороссия, между прочим, быв хлебородною, пользуется правом винокурения, за которое русский не может быть в негодовании, если у него на севере для сего хлеба недостаточно. Соседственные же и русские губернии везут в Малороссию охотно хлеб свой для продажи.

Но какая необходимость, чтобы отличалась Малороссия законами судебными и военными постановлениями? Ежели Статут лучше законов русских, то зачем бы его не дать и русским. Ежели нет, то почему отделять малороссиян от общего русского закона и остав// лять их при Статуте, при законе их врагов, поляков?

(Сим заключается записка)

P.S. Кроме справедливой политической причины, по коей Статут должен быть уничтожен в Малороссии и тем бы она не имела бы всегда быть ближе к Польше, (ибо законодательство есть одна из силь-

но сближающих причин народы) нежели к Великороссии, и сие не колебало бы слабых умов из малороссиян и не давало бы повода полякам на разные посягательства самые причудливые и беспокойные, самая сущность закона сего, Статута, противится явно употреблению оного в Малороссии. Введением оного в весь край сей, в коего Заднепровской части, ближайшей к Польше, где и поляки, вероятно, всегда составляли большую часть жителей, а найпаче панов, введены с тем вместе и надлежащие сведения и познания юриспруденции и Статут, писанный по-польски, в коем ссылки на конституцию и другие христианские законы, как-то: магдебургское право и проч. Мог ли [он] по сему уже одному быть способным для малороссиян, иноязычных и едва грамотных на своем славяно-скифском // языке? Сие, в последние времена гетманские, заставляло малороссийских панов учиться в Германии в университетах и юриспруденции, проходя полные оной курсы и таковых, способных для гражданской службы законоведцев, много еще нашел в Малороссии граф Румянцов. Но оных число было достаточно лишь для чинов классных должностей: судей, писарей и их генеральных, поветовых судей и подобных им; адвокаты же, для Статута необходимые, вовсе не могли быть введены в Малороссии, ибо для сего требовалось место, где бы они могли образоваться ученых прав, какового учреждения в краю сем не было устроено. Что же из сего произошло? Величайшее зло: невежи-самоучки малороссийские юристы, по всей справедливости названные ябедниками, ибо, едва зная грамоту российскую, кривили Статутом польским безо всякого понятия чего-либо, кроме одних путанностей, в кои вовлекали, для видимой пользы свосей, не только панов, еще менее их знающих закон свой или польский, но и простых жителей, из коих, к счастью сих невежд-ябедников, но к несчастью и козаков, пользовавшихся правом панского права на собственность земель. И так вели смешение чуждого закона, на незнакомом языке // и при невежественном употреблении оного и в народе, для бумажных дел способном, но необразованном и неученом, [что] произвело те миллионы дел, ябед и судопроизводного наводнения, в коем, в сем смысле, справедливо край сей упрекают. В прошедшее царствование Александра I, Статут переведен на русский язык², но пользы из сего очень мало, кроме той, что Малороссия могла видеть, что она совсем не знала своего закона.

Как бы пожалел о ней последний датчанин, имеющий весь закон своего отечества в книжечке, в кармане своем, на своем народном языке!

Теперь, когда живет поколение, родившееся в царствование Екатерины Великой, уравнившей Малороссию с Великороссиею, и когда все и в сем краю обратились к познанию законов общего отечества своего, законоведцев для Статута и еще того менее из коренных малороссиян, между коими дворян большое число уже из великороссиян, избираемых даже в высшее судейское звание и кои, к удивлению, иногда не только законов своих и законоведения, но и самой грамоты едва выучились самоучкой и, положительно, ни двух слов сами написать не могут. Нужен ли малороссийский или польский Статут//для такого положения нынешнего в Малороссии судопроизводителей и судопроизводства, когда какой-либо безграмотный судит, а самоучка ябедник, за ябеды до сего имевший запрещение на сие дело, судопроизводство и на писание бумаг, занимая в губ[ернском] городе первую по адвокатству репутацию, обогащаясь маразмом дерзких бумаг и произведением таких же судебных речей, по коим всем, т.е. бумагам и речам, верители его часто теряли и теряют дело окончательно? Какие же должны быть прочие все производители дел по Статуту и делающие по оным приговоры?

Должно признаться, что Статут есть нечто безобразно инородное, которого никакое политическо-химическое производство не могло смешать с общим российским телом закона и что перевод его, Статута, на русский язык не будет к тому способствующим средством. Он, перевод сей, напротив того дал случай узнать и великороссиянам сию толстую книгу, (как о ней сказал умнейший в России государственный муж, канцлер, родом из малороссиян³) отделяющую столь резко их от малороссиян, коих, ежели они и с самого начала не называли статутниками*, а мазепами и хохлами, или чубами (сим последним // названием чтил один из умнейших генер[ал-прокуроров и генерал-губернаторов] московских⁴ одного же из первых чинов государственных, а вторым, т.е. мазепами, — всех малороссиян тоже известный министр юстиции), то это только потому, что Статут они тогда не знали и не видели, (коего и в Малороссии мало кто имел и знал; хорош закон!), а знали о Мазепе и видели всех тогда малороссиян с хохлами или с чубом. Следовательно, политически еще и хуже, что Статут переведен. Как же он совершенно инородного и заветшалого свойства и тела, то перевод одного едва ли не к худшему послужил и в Малороссии, ибо прежде по крайней мере мало кто мог оным вводим быть в ошибку, не разумея его; теперь же, имея возможность читать его весь, открылось поле для всех самое непонятное, по коему они

бродят безсовестно, или вредно. Вот сему сравнительный пример: один груз[инский] царевич сенатор, в царствование Павла I^м, не знавший хорошо русского языка, подписывал все, не читая в московском Сенате, от чего выходили указы, за кои опасаясь, обер-прок[урор] (Кн. Я. Ивич) справедливо строгого взыскания, просил его читать бумаги, на что ему царевич отвечал: пробовал я и читать, но еще хуже. И теперь Статут по- русски будут читать и читать едва грамотные законоведцы, ибо писанное по- русски не русское и ссылающееся на законы и сведения не русские.

*II. [Лист С.М. Кочубя до князя М.Г. Репіна
від 10 лютого 1832 р.]*

Приложением вчера написанной мною Записки исполняю тем в полной силе откровеннейшие мои к Вашему Сиятельству обязанности, твердо надеясь, что изложенные мной собственно для сведения Вашего мысли мои о крае сем не будут никому более в оном известны, ибо иначе постараются меня ударить статутовым выволачиванием, изгнанием меня из оного. Но я, по Фон-Визиновской шутке, убоюсь бездны статутовой премудрости, намерен и сам возвратиться вспять в Россию, в коей столице из молодости получил я сей страх. Тогда пусть какие хотят подводят здесь на счет изгнавшего себя артикулы своего законоведения. Признаюсь, часто слыша я сих неграмотных юристов, ссылающимися на сии артикулы, видел в них мольерова лекаря поневоле, подкрепляющей мнение свое, что должно надеть и говорить в шляпе, гиппократовым авторитетом, его главою о шляпах. Еще бывши здесь губернским маршалом, в 1804-м году располагал я просить от имени дворянства о сравнении сего края с Россиею, следовательно и об уничтожении сей артикульной книги, особливо когда принужденным я нашел себя удалить от себя человека, бывшего несколько лет до того моим ближайше домашним, но коего пустое, но беспокойное настаиванье о поддержании вредного для всего целого края сего политического // и гражданского национализма, заставило меня опасаться успехов от его тайных происков, быв мне все его тайны по предмету сего известны. Но когда тогдашний министр уделов⁵ лично мне в столице о нем сказал, что он человек беспокойный и дел не знает, а потому никакие его затей никогда не имели и не будут иметь успеха, то я почел намерение мое возможным отложить. Сей министр ни в обвинении, ни в неуспехах сего че-

ловека не ошибся, ибо оный оправдал оба сии случая в 1812-м году, затрагивая тогда, ко удивлению моему, и самого экс-министра сего. О сем более сего писать не должно, а лично, если угодно Вам будет, я могу представить сведения, довольно жалкие и любопытные, думаю здесь одному мне теперь известные. Итак, в субботу, или в другой день, по назначению Вашего Сиятельства, буду в Полтаве, не взирая на крайне расстроенное здоровье мое, не позволяющее мне и писать, удерживать в руках порядочно пера, а потому всепокорнейше испрашиваю извинения за столь худой почерк мой.

P.S. Честь имею поздравить (хотя и не) любя его, с новым при Вас чиновником. К чему изволите присваивать мне сию паратэзу? Ваше сиятельство!

Февраля 10-го. 1832 г.

*III. [Записка С.М. Кочубя «Еще о Малороссии»
від 11 лютого 1832 р.]
Еще о Малороссии*

февр. 11. 1832.

Малороссия представляет самое счастливое пространство и положение: большая часть ее — плодородные земли, а другая — обильна лучшими лесами. Обе части оживляются двумя большими судоходными реками. Все эти естественные богатства образовали леность и вместе с оною первобытность ее коренных жителей, найпаче первой части, где истинные первоначальные малороссияне.

Корень лености сей, удерживающей малороссиян в их первородной простоте, беспечности, следовательно и бедности их, в их пастушеско-военном происхождении, в коем работа и лучшее настоящего для них были чужды. Все в их быту и употреблении сему соответствует и утверждает сию леность: обычаи, одежда, пища, езда, все, все, а теперь и хутора их — приюты беспечности, праздности, невежества, уклонения от общественных обязанностей, от самого сообщества их, возвращающие их в дикое их происхождение.

Не распространяясь здесь по неимению места и времени об обычаях их, означающих их леность, достаточно здесь заметить, что: в одежде их нет ни пуговицы, ни крючка, все затягивается шнурками (мутузочками) или подвязывается поясами и то последнее // у редких; женщины же обвертываются черными запасками или пестрыми плах-

тами, не спитыми даже и тем опровергают нравственность народную. Нечистота их тела, единственно от лени, доходит до невероятия: есть многие, т.е. большая масса жителей, живущих по берегу текущих рек, кои во всю жизнь свою никогда не купались и не обмывались. Грязь на ногах врастывает в кожу, или лучше сказать, растет вместе с нею и составляет нечто одно черепосложное. Народ вообще почти весь от сей ленивой нечистоты в чесотке. — Пища их еще, можно сказать, пастушеская, т.е. любимая и ныне пища их: галушки и вареники до того, что слуги в лучших домах, коим ежедневно варится пища с мясом, спрашивают, как милости, необходимую для них пищу, галушки и вареники, найпаче по вечерам. Обе сии, тяжело сваривающиеся в желудке, пищи, сильно поддерживают лень. К тому же хлеб в Малороссии, отлично-худо пекущийся, коего никакой русский есть не может после своего прекрасно выпеченного ржаного хлеба, пекущийся насыро, в виде теста, из гречневой и разной смешанной муки, употребляется в пищу малороссиянами в невероятном количестве. Итак, если представить сего жителя, наевшегося пять раз в день (снедая, обедая, поллудная, подвечиркуя и вечеряя) хлеба своего, прекислого боршу (который? хорошо сваренный? хорошее блюдо) с пшеною кашею и заправленного сметаною, галушек, вареников и запивая сие сировцем, прекислейшим сырым квасом хлебным, или еще кислейшим простых яблок и терновым квасом и проч., возможно вообразить сие человеческое тело, набитое сиею каменною пищею и сим дующим питьем, способным к чему-либо иному, как к одному отдохновению, неподвижности, лени? Если же он, малороссиянин, запивает все сие любимейшим своим питьем, горилочкою своею, или же какую наливкою, то тогда совершенный покой один его непременно бытием, глубокий сон, усовершенствованная лень и праздность. Хутора его отдалили от общества людей — он там с волами, овцами, свиньями своими имеет уже всю свободу развернуться во всех неподвижностях лени своей и там он, с умножением сих диких убежищ, если еще не совсем беден, скоро оным будет; большая же часть, найпаче козаки, выселились из местечек, сел и деревень на нивы свои, на коих существуют беднейшим образом. Одна причина, к сожалению справедливая, сих их выселений в хутора есть // худая земская полиция, имеющая сих козаков в селениях и местечках под рукою для их притеснений и алчностей своих, от каковых ежеминутных утеснений сии ленивцы укрываются, и малороссиянин, захавший за несколько верст, почитает, меряя сие пространство своею медленностию

и ленью по движению, достаточным для своего неприкосновенного праздного быту. Езда их совершенно может служить отпечатком их лени, ибо они ездой называют только езду на волах, лошадью же езду называют они беганием и говорят «побиг» про того, кто поехал лошадыми и проч.

Итак, лень есть истинно то, что малороссиян содержит в неподвижном положении по их состоянию, промышленностью, просвещению и проч.

Всякое исправление то может быть успешным, которое делается с корня; и потому, чтобы малороссиян направить к их счастью, должно вылечить их от их лени, истребить в них ее и тем возбудить в них любовь к деятельности: она обратит их к тщательному хлебопашеству, для коего в Полтаве и Чернигове могли бы быть губернские экономические общества из разных свободного состояния членов составленные и скотоводству, двум главнейшим естественным источникам // богатства их земли, к прочим отраслям местного хозяйства, к промышленности, к ремеслам, к торговле и к предметам полезного для сего и для улучшенной жизни образования.

Следовательно, должно стереть с малороссийской земли лень, а потому должно стереть все, оную там удерживающее, все вышесказанное и заменить другим неленивого основания.

Должно устроенное возобновить жительство всех по городам, селам, местечкам и деревням, а хутора уничтожить всех козаков, казенных поселян, мещан, уничтожив хутора и помещиков, кои строятся не при каких заводах и заведениях, а просто существуют разброшенными, населенными их крестьянами, от чего и земли стеснены; сведением хуторов в деревни и проч. выиграется невероятное количество лучшей хлебопашенной земли. Уничтожение хуторов лучше всего послужит к заменам земли между козаков и дворян, чему много теперь препятствуют сии жилища. Впрочем, уничтожение хуторов давно предписано; но сие не выполняется, и многие комиссары иногда и ежегодно собирали от хуторян важные поборы, коими козаки откупались от сего исполнения. Можно бы из хуторов поделать и новые деревни и села, чтобы были там общества и не жили бы хуторами сии люди // рассеянные ими, как дикие звери.

Устроить по местечкам (в городах есть) и селам сельские школы не такие, как теперь, по жилищам безграмотных пьяных дьяков, обучающих бедных детей, чего и сами не знают, совсем безуспешно, кроме тому, в чем отличны сами — пьянству.

Устроить по городам ремесленные не школы, а заведения или мастерские, в коих обучались бы из волостей мальчишки всяким необходимым ремеслам, коими теперь одни евреи, или иноземцы, или же отпущенные дворянские крестьяне занимаются, и их знают и в самих только городах. Тогда же и везде начнут шить и платье, и сапоги и проч. делать, как-то: сукна, полотно, выделывать кожи и проч. и проч. похожим на что либо порядочное и от этого сделается даже экономия, ибо можно положительно сказать, что из нынешнего обширного крестьянского платья можно бы опрятно одеть, употребив тот же материал, более третью часть людей; сапогами ужасными их снабдить обувью такую же большую пропорцию жителей, а особливо башмаками, женщин и девок, причем и много бы еще осталось для иного полезнейшего употребления — соломы, ныне в половину сии башмаки наполняющей. Теперь совершенно нет ни портных, ни сапожников//, ни столярей, ни ткачей, ни прядильниц и пр., все делается народом ужасно, первобытно.

Должно возбудить в малороссиянах охоту к лучшему промышленности и для сего, как сие должно начать из городов, вывести жителей евреев и поселить оных отдельными селами и местечками на пустопорожних малороссийских или великороссийских землях, ибо если бы были евреи и в России, то и там бы по городам перешли промыслы к ним, а найпаче успевают они удерживать оных при себе, живя с ленивыми малороссиянами. В городах необходимо по справедливости**), а не почему либо другому, оставить из евреев одних купцов с их только одними семействами, да испытанных ремесленников городских с семействами же их. Вся прислуга при евреях***) должна быть не иначе, как из христиан и не иначе, как из мещанского звания, во избежания всякого злоупотребления на счет крестьян. Кроме сих евреев можно позволить оставаться в городах их резникам, по одному в городе, с семейством его.//

За промышленностью вслед потребуется и национальная, малороссийская, торговля, которую должно возбудить удобностию сбыта продуктов и произведений. Сей богатейший рычаг для движения золота и серебра в землю сию силою своего механизма односложного, а тем и лучшего, требует особенного устройства выгоднейшего вещественного движения — водою. Для сего должно всеми мерами сделать Днепр судоходным, не разрывая порогов, от чего омельчает река сия, а прорыв мимо оных, по левому берегу, каналы. Для сего также нужно, чтобы в Херсоне была торговая, по примеру Одессы, гавань,

но отнюдь не порто-франко, что и в Одессе, конечно, в свое время измениться должно. Здесь не место бы говорить об Одессе и Таганроге, двух торговых местах, ошибочно по необходимости в степях устроенных; второе Петром I вероятно потому не у устья реки Дона построенное, что то было бы слишком близко к тогдашней границе; а первое по той же причине не было назначено при устье Днестра. Реки, как лучшие торговые дороги, указывают на своем пути места и для торговых гаваней. Херсон может быть Марселем, а Николаев — Тулоном, одно другому не помешает. Одесса пасть может от излишней своей тяжести — от недостатков первой надобности, а особливо если зимы будут постоянно холодные.

Торговля в Малороссии потребует и фабрик, коих теперь почти нет и полезно весьма будет, если нынешние козаки останутся невоенными, ибо тогда они откинутся в прежнее их праздное состояние. Составляя же они от себя главное пополнение, а не рекрутами даже, но по мере надобностей поочередно летами и проч. кавалерийские легкие полки, быв к тому способными, образовали бы половинную часть жителей в Малороссии, кои, владея собственными землями, и быв свободного состояния, получили бы особенные владельческие права, не вредные для них, как то мнимое право продажи вина, коим изо ста один пользуется и при том разоряясь чрез то от собственного пьянства; а истинно полезные для них и государства права иметь заводы (кроме винокуренья), фабрики, лавки с платежом гильдии, торговлю на сем же платеже основанную и проч. Для распространения коммерческого разума и духа должно учредить в губернских городах коммерческие курсы наук, к сей части принадлежащих, и открыть способы образоваться в оных купечеству, богатым мещанам и козакам.

Нет сомнения, что с открытием удобной водяной дороги для торговли, следовательно, и для сбыта хлеба, столь для Малороссии в излишестве своем // пагубного, придет в настоящую, ни до Таганрога дотащить не можно, а особливо малороссиянину, не соглашающемуся передвигать оно и за сто, за 50, часто ни за 10 верст по лени его.

Особенно же местечки требуют особого внимания для оных, в каковых по 6 т[ысяч] и более жителей нет не только никакой полиции, но, что еще хуже, есть нынешняя полиция: несколько пьяных, безграмотных козаков-голов, с несколькими препьяными писцами, все отличные одною лишь своею совершенно неестественною неспособностью и беспрерывною алчностью к составлению чего-либо для улучшения своего состояния, собирая для него все, что только можно

и всякими способами. О местных начальниках их говорить нечего: заседатели и исправники каждому и везде известны. — В сих местечках нужно особенное благочинное полицейское устройство, которое служило бы уздою найпаче для невежественного священства по сим местечкам, в оных безначальственно и своевольно живущего, до позора пьянствующего и ведущего жизнь, семейно самую безнравственную; священства, внушающего народу привязанность к лени и праздности запрещением народу работать в такие дни, в кои никакого, кроме вымышляемого ими праздника нет, // от чего сие вредное священство извлекает пьяные пользы свои, к различному многочисленному вреду обывателей, а найпаче в рабочие лета дни, в жатву и проч.⁶ Сие священство, находящее счет свой в народной невежественной праздности, может быть почитаемо главнейшею причиною не только лени нынешней козаков, найпаче, но и их бедности, ибо они, пьянствуя беспрерывно с ними, с них же неизмеримо берут за все и за венчание, например, до ста рублей и более. О сем бывший в Полтаве прокурор Горбовский хотел иметь попечение для прекращения сего зла, но едва не был, происками духовенства, обвинен и сослан⁷. Но сие не может заставить молчать бесстрашную правду.

Лечение народа требует внимания и от каждого местечка, т.е. от 2-х волостей весьма бы можно образовать окончательно в Харьковском университете по одному лекарю, коих умножение послужило бы и для кавалерийских легких полков, составленных из малороссийских козаков.

Наконец, чтобы преобразовать для пользы ее Малороссию, не можно ли бы и самое имя козака заменить другим? Это совершенно было бы для земли сей благодеяние. В Польше оставшейся части Малороссии, имя сие исчезло и все слились с именем поляка. Почему бы их не назвать, сих свободного состояния жителей, полтавскими украинцами и черниговскими украинцами? Можно бы и губернии назвать: Украинскою Полтавскою и Укр[аинскою] Черниговскою. Обе же губернии вместе сохранили бы название Малороссии, так как Могилевская и проч. вместе составляют Белоруссию; три губернии — Новую Россию, десятки Великороссию и проч., и проч. По крайней мере не было бы малороссийского козака, столь званного для воспоминания многого и для лени и столь противящегося смешению сего народа с русским.

*IV. [Лист С.М. Кочубея до князя М.Г. Рєпнина
від 12 лютого 1832 р.]*

В совершенном и справедливом страхе, что могу наскучить Вашему Сиятельству моим мараньем бумаги, но исполняя волю Вашу, долгом почитаю сообщить ныне всякие мысли мои о крае сем теперь, когда изволите уезжать, и я, помышляя тоже решительно отсель [уехать] навсегда, не знаю, не навсегда ли уже лишусь личного, письменного, а может быть и всякого в сем мире с Вашим Сиятельством сношения. Итак, я должен до последней минуты одного теперь представлять Вам мысли мои с такою откровенностию не для того, чтобы они того заслуживали, но для того, чтобы тем совершенно утвердить Ваше Сиятельство в уверенности в моей к Вам искренней признательности.

Февраля 12го 1832 г.

*V. [Записка С.М.Кочубея «Еще о Малороссии»
від 18 лютого 1832 р.]
Еще о Малороссии*

февраля 18. 1832 г.

В предыдущих записках, между прочим, выведены для Малороссии два правила, две необходимости: сравнение края сего в его узаконении и политическом быту, т.е. в окончательном присоединении и смешении его с Великороссиею, что уже и было выполнено при Екатерине II-й, и возбуждение одного края к промышленности и торговле. Здесь можно изложить относительные о сем мысли.

По предмету первому полезно заметить, что Малороссия так же называется Украиною, что самое, при совершенном земли сей смешении с Россиею, представляет справедливый способ смешать ее в составе генерал-губернаторства трех губерний, всех украинских, разумея третьею Слободско-Украинскую, с коею, следовательно Полтавско-Украинская и Черниговско-Украинская образовали бы округу сию, населенную одним народом^а. При сем заметить можно, что Малороссии жители так же // и ныне удобно смешиваются во всем с Россиею, как это было при Екатерине и как то исполнилось с жителями Слободской губернии, теми же малороссиянами.

Пример оной, Слободской, губернии представляет удобность составить и в Малороссии тогда уже украинских же 2^х губерниях, воен-

ные легкой кавалерии полки, можно сказать огромного объема военное, государственное устройство отличной кавалерии, к коей принадлежало бы для сего до 700 т. украинцев, нынешних козаков, кои составили бы всегдашние кадры, а в военное время и полные полки для трех или не менее двух естественнспособных корпусов кавалерийских, Полтавского и Черниговского украинских корпусов.

Слободско-Украинская губерния подает равномерно собою пример российского в московском Сенате высшего судопроизводства, где по расстоянию удобнее производить дела свои и Малороссии, в коей, по новейшему примеру, следует уничтожить подкоморных, коморников, хорунжих и возных⁹.

Постоянное пребывание генерал-губернатора украинского в Полтаве сосредоточивало бы управление всем сим краем, где назначенный кадетский корпус был бы особенно приспособлен к образованию украинского дворянского юношества, наипаче к кавалерийской службе, всему их краю присвоенной. В университете же образовалось бы дворянство для гражданской и учебной службы вообще и особенно украинцы военного звания; а по медицинской части для своих полков и жителей. Сей университет тогда полезно бы называть и Украинским, вместо просто Харьковского, равно как и кадетский корпус // в Полтаве — Украинским же Полтавским.

Приступая к второму предмету, к торговле и промышленности, здесь место продолжить предположение насчет Харьковского университета, в коем полезно устроить особенную часть для преподавания окончательных высших познаний, для отечественной вообще торговли необходимых, в уездных же училищах и в гимназиях приготовить к сим курсам коммерческих наук.

Нынешняя Малороссия представляет разительное отсутствие промышленности и торговли, где все, по примеру бывшей Польши, в руках евреев, тем и более, что малороссияне составляли лишь и с начала своего козаков, поселян и духовенство, а потом панов, большею частью первых из поляков, навезших с собою и евреев. Во всей Малороссии, под конец ее гетманского правления, показались прежде всего два города торговые, но все не из малороссиян, Нежин из греков, получивший для поощрения разные привилегии, как-то: право давать заграничные паспорта, свободу от постоя и проч. и Стародуб, сделавшийся торговым от русских раскольников, до того в тех пограничных местах поселившихся, от преследования в России секты их. Наконец, составилась было торговая компания и в Полтаве из

тамошних граждан (ибо купеческого и звания не было в Малороссии) под названием, кажется, Золотой, производившей торг, большею частию, рогатым скотом до Силезии и проч., т. е. за границу; но с разрушением компании сей по двум причинам; по банкротству некоторых, вмешавшихся в другие дела, не торговые, а с казною // и по исходатайствованию сею компаниею членам своим дворянства — вся торговля в Полтаве рушилась. С открытием губерний по учреждению и в Малороссии, хотя и была надежда видеть Кременчуг торговым отличным городом, но, с уничтожением там губернии и по ошибочному выбору места для города, разбитого в болоте и ямах, наводняемого и покрытого всегдашними заливами, найпаче же по неустроению реки Днепра удобосудоходною до Черного моря, город сей сохранил одну лишь ограниченную внутреннюю промышленность, местную торговлю наиболее мясом, солью и дегтем; но мог бы производить полезное движение хлеба вверх по реке и проч., чего однако же по упадку состояния купцов своих, большею частию русских, не делается.

Есть в Малороссии и большие ярмарки, но оне бывають в пустых городах, где нет местного купечества.

Вообще край сей для торговли своей требует капиталы и для сего необходимо доставить льготы некоторым городам в Малороссии, дабы тем привлечь туда на жительство капиталистов купцов 1^а гильдии, для коих только и льготы сии допустить, но купцов отнюдь не евреев, ибо они истинной торговли не производят и не заводят никаких фабрик: их занятия, и в больших степенях их богатства, все вроде факторств — как-то: ряды, поставки, закупки для перепродажи, откупу и сему подобное.

Полезно, истинно для Малороссии необходимо, обратить еврейское купечество или в прежнее их временное отечество, польские губернии, или же поселить при поселениях нации их. В край же сей, в торговые города: Кременчуг, Полтаву, Ромен, Нежин, Чернигов, Кролевец и Стародуб полезно привлечь купцов 1^а гильдии на жительство, дав им льготные выгоды на известное число лет и с обязанностью устроения местных контор, фабрик, заводов и вообще украинского торгового кредита.

Неужели внутренняя торговля богатого природного края не может заслуживать сего преимущества? Сие отвержение несправедливо и вредно для государства и ежели бы было, например, много сих капиталистов, то конечно они бы, по примеру иноземному, могли бы

давно прорыть компаниею своею канал мимо порогов и сделать Днепр судоходным и проч.

Купцов же 2^а гильдии допустить до аренд дворянских имений, дабы тем могли они обратить на улучшение оных капиталы свои и произвести сельскую промышленность и устройство.

[Авторські примітки:]

*Презирая их, подобно как вообще просвещенные евреи презирают талмудцев и в сем смысле Статут соответствует Талмуду. Давно уже и евреи отстали от Талмуда, узаконения, для их истинной веры чуждого; и давно умные малороссияне отстали от Статута, их земле чуждого же узаконения.

**не к малороссиянам, а к евреям. Для Малороссии же было бы полезнее, чтобы торговля находила своих купцов одноземцев и русских в городах своих и потому, конечно, было бы для края полезнее, чтобы и купцов выслать в особые их местечки, кои менее полезны для малороссийских городов, нежели ремесленники. Тогда могло бы укорениться русское купечество, коему евреи мешают и, нет сомнения, что чрез них нет купечества русского в Киеве и исчезло бы оное и в Харькове, если бы допустить туда евреев на жительство.

***А при купцах прикащики и конторщики, при ремесленниках же их подмастерья и работники.

(ЦДІА. Ф. №261. Спр.88. Арк. 1-18).

КОМЕНТАР

№ 1

У лютому 1831 р. дворянські маршали були перейменовані на предводителів, у жовтні того ж року повіти отримали назву «уезды» і, нарешті, згідно з іменним указом від 6 грудня 1831 р., було ліквідовано підкоморські суди, а генеральні суди у кожній з малоросійських губерній перетворено на палати карного та цивільного суду.

№ 2

Йдеться про «Собрание гражданских законов, действующих в Малороссии» 1807 р.

№ 3

Безбородько О.А. (1747-1799) — полковник київський (1774-1779), статс-секретар Катерини II (1775), сенатор (1797), світліший князь

Російської імперії (1797), канцлер Російської імперії (1797-1799), кавалер орденів святого Олександра Невського (1784), святого Андрія Первозванного (1797), Іоанна Іерусалимського (1797).

№ 4

Беклешов О.А. (1743-1808) — генерал-лейтенант (1796), дійсний таємний радник, сенатор (1798), київський військовий губернатор (1798), генерал-прокурор (1799-1800), московський військовий генерал-губернатор (1804-1806).

№ 5

Трошинський Д.П. (1749(54)-1829) – статс-секретар Катерини II (1793), сенатор (1796), міністр уділів (1802-1806), полтавський губернський маршал дворянства (1812-1814), міністр юстиції (1814-1817).

№ 6

Катеринославський підприємець і меценат О.М. Поль також висловлював незадоволення святкуванням селянами більше половини днів на рік і просив повітові земські збори клопотатися перед єпархіальним архієреєм, аби той зобов'язав священників наставляти селян не надавати значення свят буденним дням.

№ 7

Горбовський І.О. — колезький радник, полтавський губернський прокурор (1815-1828), кавалер орденів святої Анни II-го ступеню та святого рівноапостольного князя Володимира III-го ступеня.

№ 8

Полтавська, Чернігівська та Харківська губернії були у складі одного генерал-губернаторства з 1835 по 1855 рр. Щоправда, означене генерал-губернаторство не отримало назви Українського і, всупереч пропозиції С.М. Кочубея, його центральні установи було перенесено з Полтави до Харкова.

№ 9

Законом 16 січня 1834 р. підкоморський суд перейменований в Малоросії на межовий суд, маршалківсько-комісарський – на посередницький межовий суд; підкоморія наказано іменувати межовим суддею, а коморника – межовим землеміром. Посада возних проіснувала до 1835 р., коли їх функції було передано засідателям земських судів. Межові суди у західних губерніях було ліквідовано у 1840 р. під час скасування дії Литовського Статуту.